Валерий МИТРОХИН

«МОЗАИКА МГНОВЕНИЙ» СВЕТЛАНЫ ЯГУПОВОЙ

В моей жизни это имя появилось, когда я — провинциал из крымской глубинки, распираемый литературными амбициями, к малейшим успехам других на этом поприще относился с подозрением. Ниша наша (прошу простить невольный ассонанс!) была переполнена. Многие из пожилых авторов, толпящихся у кормушки по имени издательство «Таврия», видели в нас, молодых, обузу и нахлебников. Однако к Светлане Ягуповой отношение у них было явно иным. Как-то быстренько ее рукопись была обсуждена в писательской организации, потом относительно оперативно поставлена в план издательства и вот — выпущена книжка. Был, конечно, по этому поводу некий ропот и не только среди литературного молодняка. Мол, ясное дело, ведь ее отец — второй человек в «Крымской правде».

«Зеленого дельфина» я прочитал после того, как нас познакомили, и подумал: у человека такая судьба, а пишет она сказочки. Из двух одно: либо ей не по силам жанр настоящей драмы, либо наивная фантастика — каприз интеллектуального одиночества. Это были первые вопросы, которые у меня возникали в связи с восходящим в литературе новым именем. Вопросы, на которые я не стремился получить ответы. Говорить с ней самой на столь щекотливые темы из деликатности и дистанцированности наших только-только занимающихся отношений я не мог и не смел.

Шли дни и годы, возникали новые безответные вопросы. Например, такой: откуда у человека, практически не выходящего из дому, такое знание моря. Меня удивляли ее метафоры. И я говорил себе и другим, мол, это у нее такое потрясающее воображение! Её проза всегда интересовала меня и, прежде всего, своей философией. Я видел в Ягуповой родственную душу, потому что сам стал писать вследствие боли, которая ускоряет самопознание и обостряет чувства. К какому-то возрасту я тоже умудрился несколько раз начать жизнь сначала, то есть еще и еще раз свой «нуль пространства разомкнуть». Смущала меня всегда только одна пустяковина. Имена, ко-

торые Светлана Владимировна давала своим героям, казались мне, серьезно инфицированному соцреализмом, — искусственными. Не потороплю события, если уже в этом месте своего эссе, признаюсь, что, благодаря и ее творчеству, я, сам того не осознавая, стал избавляться от официального методологического вируса. Ягупова, как мне кажется, вообще избежала такого иммунодефицита. Глубоко сидящий в каждом пишущем и время от времени дающий о себе знать метод был чужд Светлане изначально, чего мы не понимали и потому смотрели на ее фантастику, как на игру праздного интеллекта.

То есть, дело, оказывается, вовсе не в именах (Табачкова, Ладушкин, Сапожонок и т.д.) и названиях (улица Жареных уток, Проспект Линейной перспективы…), а в чем-то ином. В чем же? Почти на все накопившиеся за прожитые в одном писательском цехе годы ответ мне дала ее «мозаика мгновений» — повесть «Лимон», главы из которой («Под сенью крыл Твоих») публиковались в журнале «Брега Тавриды» (№ 3, 2002 г). Но об этом — то есть, самом интересном, — чуть позже. Пока же мне хотелось не столько поинтриговать, сколько насладиться нашей с ней общей ностальгией по лучшим дням крымской литературы.

Мы сближались очень долго. Быть может, по той простой причине, что, как и все люди ее положения, она относилась к новым отношениям настороженно. Мы сошлись на сломе эпох, поскольку, должно быть, увидели, наконец, что питаемся из одной чаши. Стали общаться как единомышленники. Вскоре, начав в очередной раз жить с нуля, я привел к Светлане дорогого мне человека. И эта спонтанная встреча из предполагаемого знакомства как-то неожиданно обернулась благословением. Наверное, мало кто понял реплику Светланы, произнесенную на презентации ее «Сердоликового ларчика», когда, увидев мою дочку, она сказала ей: «Мы с тобой знакомы с тех пор, когда было тебе минус 7 дней». За неделю до рождения нашего ребенка мы с женой были в гостях у Светланы Ягуповой. И тогда, наконец, я понял, что она пишет фантастику, потому что верит в будущее людей. Сказки — потому что видит в каждом из нас нашу затаенную суть — глубоко спрятанного ребенка по имени душа.

О чем книга «Сердоликовый ларчик» явствует уже из подзаголовка «Приключения Крымуши в стране Фантаврии». Да, это фантастическая сказка-игра, новое произведение взрослой писательницы, ставшей детским автором лет десять назад, когда она придумала своего Крымушу и стала вместе с художником Александром Иванченко выпускать журнал под этим именем. Кто-то всерьез полагает, что эта книжица развивает у маленького читателя логическое мышление. Кто-то, наверное, сделает, еще какие-то глубокие научно-педагогические выводы. Многие будут правы, потому что последнее десятилетие прошлого века наше образование надолго, как никогда, очутилось в безвоздушном пространстве. Когда все традиционные методики, давшие человечеству королевых и курчатовых, платонов и патонов, полетели кувырком, а привнесенные инновационные заменители только усугубили «вверхтормашечные» представления педагогов и детей

о школе и учебе, Крыму был явлен журнал «Крымуша», дерзнувший размышлять на своих страницах, причем вполне тонко и достоверно, и, ни больше ни меньше, — как о порядке вещей. Потому его так охотно стали брать на свои уроки филологи, историки, биологи…

Отдадим должное властям предержащим. Они оценили вклад С.В. Ягуповой Государственной премией автономии. За что им наша гражданская благодарность. Будьте, Господа, и впредь внимательны к своим подвижникам. Они и в наши демократические и свободно-независимые дни по-прежнему остаются не менее, нежели в эпохи мракобесия, великим Господним подспорьем.

После «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо ничего более впечатляющего или подобного мне читать не приходилось. Тут я возвращаюсь к разговору о «мозаике мгновений» Свеланы Ягуповой под несколько странным названием «Лимон». Произведению предпослан эпиграф из Дейла Карнеги: «Когда судьба вручает вам лимон, делайте из него лимонад». Говорить о приоритетности этого произведения в некоторых его аспектах, вероятно, не совсем этично, но надобно. В литературе до сих пор не было они одной автобиографической книги, столь бесстрашно рассказывающей не просто о проблемах инвалидов, а именно самой женщиной-инвалидом.

Штабной поезд, в котором служила мама Светланы Ягуповой в сорок третьем, попал под авианалет. При падении с вагонной полки она, только что родившийся младенец, получила травмы спины и ноги, впоследствии осложнившиеся туберкулезными заболеваниями.

Автор начинает свою исповедь размышлениями, в которых слышится вопрос: почему именно ей выпала такая доля? Десяток лет лежать неподвижно, испытывая приступы удушья, непрекращающуюся боль, насилие гипса и корсетов, последствие болеутоляющих уколов — это ли не ад земной?! Вряд ли есть однозначный ответ на столь сакраментальный вопрос. Зато читатель получает множество ответов, как я, например, на свои, накопившиеся еще с юности вопросы не столько к Светлане, сколько к жизни. И уже заодно это я говорю ей спасибо. И речь я веду не о том, откуда она, несколько лет пролежавшая под навесом санатория на евпаторийском берегу, знает море или почему пишет сказки, фантастику. Благодаря этой ее книге, читатель может иначе взглянуть окрест, посмотреть на себя, по-другому оценить свои взаимоотношения с людьми и миром. Ведь нам так часто не хватает великодушия, когда мы судим других, и справедливости, когда мы оцениваем себя.

Есть в откровениях Светланы нечто евангелическое. Ассоциации, подобные этой, не покидали меня от первой до последней страницы. И не столько потому, что в тексте немало прямых и косвенных реминисценций на затронутую только что тему. Книга эта многогранна, как апокриф, а стиль и язык, какими она исполнена, делают ее, быть может, еще более яркой на фоне нынче превалирующей рыночной литературы.

Надо обладать поистине стальным характером, чтобы раскрыть себя до такой степени обнаженности. Быть может, потому западная литература

не имеет сегодня аналога подобной «мозаики», что там сразу же после второй мировой войны для инвалидов делается все для того, чтобы эти люди ни в коем случае не чувствовали своей ущербности. Эта книга не столько о себе любимой (или нелюбимой?!). Но книга, которая могла стать настольной для тех, кто сегодня по разным причинам оказался в тисках убийственных обстоятельств, кого называют у нас беспощадным словом калека. Я говорю «книга», потому что уверен, вопрос выхода в свет этого свидетельского документа отдельным изданием должен решаться на государственном уровне! Причем, надо издать таким тиражом, чтобы книгу эту смог прочесть каждый, даже самый благополучный из граждан, потому как ничто так не непрочно, как человеческое здоровье, никто так не независим от случая, как человек.

Светлана нашла ответ и на самый основной для себя вопрос: почему ей выпала такая доля? И этот ответ из Евангелия так естественно вписывается в «мозаику»: «Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (от Иоанна, гл.9:2,3).

Симферополь.2007.